

Нет автора

Русская старина

1895. 7_9

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1895. 7_9 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 640 с.

ISBN 978-5-458-02836-3

ISBN 978-5-458-02836-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XIII¹⁾.

Смерть и погребеніе императора Николая. — Мои личные ощущенія по случаю кончины государя. — Назначеніе меня въ Печальную комиссію. — Верховный маршалъ графъ Гурьевъ. — Члены комиссіи: графъ Борхъ, князь Михайлъ Кочубей, Хитрово, Пейкеръ, Поповъ. — Разногласія на первыхъ порахъ между Гурьевымъ и членами. — Толпы чиновниковъ, согнанныхъ въ комиссію. — Мысль, представленная мною разсвирѣгившему графу Гурьеву. — Видъ усопшаго государя на походной кровати. — Замѣчательныя черты графа Гурьева. — Необытная гордость его. — Несчастное бальзамированіе тѣла государя. — Мелочное честолюбіе высшихъ лицъ. — Столкновеніе графа Гурьева съ графомъ Влудовымъ. — Перенесеніе тѣла государя изъ дворца въ соборъ. — Отправленіе герольдовъ. — Замѣчательныя событія въ жизни графа Гурьева, имъ самимъ разсказанныя. — Споръ его съ покойнымъ государемъ. — Ненависть его къ почтовому вѣдомству вообще и къ Прянишникову въ особенности. — Зять графа Гурьева, Челищевъ. — Награды по комиссіи. — Мои обманы утѣшительныя. — Опасное положеніе царицы Александры Феодоровны во все это время. — Ея продолжительная жизнь потомъ.

Исключительно ошеломленный этимъ извѣстіемъ, я тотчасъ возвратился въ свою квартиру, приказаль, не знаю уже для чего, закладывать карету и торопилъ жену скорѣе собираться и ѣхать со мною ко дворцу, но зачѣмъ и для чего, я и самъ не понималъ.

Громадность событія просто поглотила меня, и мнѣ казалось совершенно невозможнымъ оставаться на мѣстѣ. Можно было всего ожидать, но только не смерти государя, этого колосса духомъ и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1895 года.

тѣломъ. Часто видя его на парадахъ, на улицахъ и т. п., я про себя думалъ, какой вѣкъ назначенъ для этого богатыря и можно ли допустить, чтобы смерть осмѣлилась когда-нибудь подступить къ нему? Казалось, что его кончина просто невозможна, потому что съ этою кончиною долженъ перевернуться міръ—до такой степени обаяніе его власти, могущества, его величія, нравственнаго и физическаго — было сильно въ моихъ глазахъ, да конечно не въ моихъ однихъ. Какъ ни много надѣлалъ мнѣ горя покойный царь, но я никогда не переставалъ питать къ нему истиннаго и глубокаго благоговѣнія. Это былъ истинный представитель императорскаго величества. На всемъ земномъ шарѣ трудно было найти личность, которая съ бдѣльшимъ достоинствомъ олицетворяла бы это величество. Я всегда думалъ и думаю, что это былъ великій государь, и мнѣ кажется, что рано или поздно, когда пройдетъ мода на отрицаніе всевозможныхъ авторитетовъ, ему воздана будетъ должная и справедливая честь.

Развѣ не былъ онъ мудръ? Развѣ не былъ онъ справедливъ? Развѣ не каралъ онъ пороки, какъ никто? Кто такъ награждалъ и цѣнилъ доблести, какъ онъ? Развѣ онъ не желалъ счастья и блага Россіи? Не онъ ли былъ первымъ и неутомимымъ труженикомъ для ея благоденствія? По моему мнѣнію, наперекоръ нынѣшнему модному мнѣнію, онъ былъ великій государь. Название рыцаря чести, которое давали ему за границей, было справедливымъ названіемъ. Но и у него были недостатки и быть можетъ очень большіе; да развѣ можетъ царь, на какомъ бы тронѣ онъ ни сидѣлъ, перестать быть человѣкомъ, а развѣ человѣкъ можетъ быть безъ недостатковъ?

И доселѣ, какъ при покойномъ государѣ, вся добрая, истинно полезная для государства инициатива исходитъ отъ престола, а вся эта толпа нигилистовъ пока еще ничего не произвела сама собой, кромѣ шума, самохвальства и ругательства всего, что признавалось доселѣ достойнымъ уваженія. Со временемъ, съ постепеннымъ народнымъ развитіемъ, вѣроятно, и у насъ выработаются полезные государственные и общественные дѣятели, которые по праву, по дѣламъ своимъ и заслугамъ, назовутся истинно передовыми людьми, а нигилисты переходнаго времени—просто толпа бродягъ, сходная

со стаею голодныхъ собакъ; толпа, чающая только какъ бы заварить кашу и рассчитывающая въ суматохѣ поживиться чѣмъ-нибудь. .

Обращаюсь къ впечатлѣніямъ, произведеннымъ на меня кончиною государя. Когда экипажъ былъ поданъ, я торопливо усадилъ въ него мою жену, самъ помѣстился вмѣстѣ съ нею и поспѣшно отправился къ Зимнему дворцу. Я былъ убѣжденъ, что событіе это привело въ движеніе весь Петербургъ и что у дворца я найду огромныя народныя толпы. Къ величайшему моему удивленію—ничего подобнаго не было. Обѣхавъ дворецъ нѣсколько разъ—я не видѣлъ рѣшительно никакихъ признаковъ, говорящихъ о страшной потерѣ, понесенной государствомъ. Смущенный и сбитый съ толку этимъ страннымъ спокойствіемъ, я возвратился домой и сѣлъ за обѣдъ; но прежде, нежели я успѣлъ кончить его, я получилъ, чрезъ почталіона, приглашеніе Прокоповича пожаловать къ нему теперь же и сколь можно поспѣшиѣе. Такое поспѣшное требованіе со стороны такого деликатнаго человѣка, какъ Прокоповичъ, меня значительно удивило. Когда я пришелъ къ нему, онъ мнѣ тотчасъ предъявилъ собственноручную записку графа Адлерберга, которою онъ требовалъ, чтобы я немедленно вступилъ въ составъ «Печальной комиссіи», назначенной для погребенія государя, и явился къ предсѣдателю этой комиссіи, графу Гурьеву.

Прежде, нежели я успѣлъ сообразить что-либо, заботливый Прокоповичъ сталъ убѣждать меня тотчасъ надѣть мундиръ и отправиться во дворецъ. Я такъ и сдѣлалъ. На переѣздѣ во дворецъ я не могъ не остановить своихъ мыслей на странномъ столкновеніи обстоятельствъ. Судьба судила мнѣ принять участіе въ погребеніи государя, который, быть можетъ и ненамѣренно, но такъ сильно тѣснилъ меня при жизни. О степени этого участія я, конечно, не могъ составить никакого понятія, ибо не только не зналъ порядка и свойства дѣйствій, принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ, но даже никогда отъ роду не слышалъ объ учрежденіи, называемомъ «Печальною комиссіею». Я думалъ, что это только сокращенное имя комиссіи, но что официально она носитъ какое-либо другое наименованіе.

Когда я явился во дворецъ и отыскалъ комнаты, отведенныя для «Печальной комиссіи», я нашелъ уже ихъ наполненными зна-

чительнымъ числомъ чиновнаго люда, между которымъ, конечно, встрѣтилъ много знакомыхъ. Все это составляло нестройную мундирную толпу, собранную съ разныхъ концовъ гражданскаго міра. Никто рѣшительно ничего не зналъ, хотя нѣкоторые перелистывали уже какіе-то огромные томы, Богъ знаетъ откуда явившіеся. Видъ этой сборной братіи произвелъ на меня не очень выгодное впечатлѣніе. Мнѣ, значительно избалованному и самоувѣренному, было просто непріятно, что и меня заставили вмѣшаться въ эту толпу, хотя въ ней могли быть люди и болѣе достойные и болѣе даровитые, чѣмъ я. Въ другой комнатѣ, какъ тотчасъ я замѣтилъ, шли очень оживленные и даже крупные разговоры. Заглянувъ въ эту комнату, я обратилъ прежде всего вниманіе на какую-то оригинальную фигуру, въ длинномъ тепломъ сюртукѣ и въ какой-то шелковой шапкѣ на головѣ. Съ краснымъ лицомъ, съ огромными глазами, фигура эта дышала, такъ сказать, барствомъ, гордостью и самоувѣренностью. Громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ, она проповѣдывала что-то окружавшимъ ее господамъ, въ числѣ которыхъ я тоже узналъ много знакомыхъ мнѣ лицъ. Со стороны можно было подумать, что это суровый учитель читаетъ нотацію своимъ ученикамъ: такова была картина, на которую я взглянулъ мелькомъ... Но надобно было разобрать ея сущность, и собранныя мною свѣдѣнія обогатили меня слѣдующими данными.

Верховнымъ маршаломъ или предсѣдателемъ «Печальной коммисіи» былъ назначенъ графъ Гурьевъ, предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта. Лица, знавшія его ближе, прибавляли, что это человѣкъ строптивый и характерный и что теперь, только-что появився, уже началъ бушевать съ членами коммисіи. Въ заключеніе я узналъ, что фигура въ безцеремонномъ костюмѣ и съ какимъ-то колпакомъ на головѣ—именно и былъ графъ Гурьевъ.

Членами коммисіи были назначены: графъ Борхъ, оберъ-церемоніймейстръ двора. Эту добрую, но ограниченную до ничтожества личность я зналъ уже прежде. Все его семейство, включительно съ старою графинею Лаваль, матерью его жены, связано было самыми дружескими отношеніями съ княземъ Одоевскимъ, у котораго я постоянно и видѣлъ графа. Кромѣ того, вслѣдствіе тѣхъ же друже-

ственныхъ отношеній къ князю, мы часто припрягали графа къ разнымъ благотворительнымъ затѣямъ нашего Общества и даже устраивали нѣкоторыя изъ этихъ затѣй въ его домѣ, на Англійской набережной. Общественное мнѣніе считало графа пустымъ и добрымъ человѣкомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Эти свойства особенно выразились въ послѣдствіи, когда онъ имѣлъ неосторожность принять должность директора императорскихъ театровъ. Слабый собственными умственными средствами, но съ то же время кроткій и деликатный, онъ тотчасъ очутился въ хищныхъ рукахъ Федорова, который управлялъ и имъ, и всѣмъ театральнымъ міромъ, наследуя достойнымъ образомъ К—у, державшему въ своихъ рукахъ слабаго Гедеонова.

Потомъ членомъ комиссіи очутился князь Михаилъ Кочубей, въ то время уже гофмаршалъ двора и президентъ придворной конторы. О немъ я уже говорилъ достаточно, чтобы было нужно здѣсь повторять снова черты его характера.

Третьимъ членомъ былъ Хитрово, церемоніймейстеръ, сынъ того Хитрово, который былъ нѣкогда государственнымъ контролеромъ, очень милый человѣкъ, но тоже не изъ бойкихъ. Онъ мнѣ казался совершенно чуждымъ честолюбію и если ходилъ по дворцовымъ галереямъ, вмѣстѣ съ Кочубеемъ, за графомъ Адлербергомъ, чтобы получить Станислава, то ужь никакъ не по собственнымъ убѣжденіямъ, а скорѣе по вліянію и настоянціямъ того же Кочубея. Хитрово въ особенности любилъ со мною потолковать и передалъ мнѣ подробно исторію своей женитьбы на какой-то итальянкѣ. Добрый семьянинъ, онъ, сколько могъ я замѣтить, сосредоточивалъ тогда всю любовь на своемъ маленькомъ сынѣ и, въ своихъ разказахъ о немъ,—передавалъ даже такія подробности о его произрастаніи, пищевареніи и т. п., которыя могли быть интересны единственно для родительскаго сердца. Въ послѣдствіи онъ былъ сдѣланъ оберъ-церемоніймейстеромъ двора.

Пейкеръ, прежде чиновникъ военно-походной канцеляріи государя, а потомъ директоръ капитула орденовъ, былъ тоже членомъ комиссіи; только я не помню, былъ ли онъ назначенъ при самомъ учрежденіи комиссіи или въ послѣдствіи присоединенъ къ ней, подобно нѣкоторымъ другимъ личностямъ, въ которыхъ она встрѣ-

чала надобность. Собственно въ Пейкерѣ не было исключительной надобности; но графъ Адлербергъ вѣроятно ввелъ его въ составъ комиссіи для того, чтобы, по окончаніи ея занятій, дать ему, наряду съ другими членами, соотвѣтственную награду. Въ этомъ отношеніи графъ считалъ себя предъ Пейкеромъ въ долгу. Графъ принадлежалъ безспорно къ числу людей самыхъ добрыхъ; но доброта его всегда требовала, такъ сказать, вѣшняго возбужденія. Онъ не отказывалъ ни въ какихъ наградахъ, когда ему о нихъ докладывали, но самъ онъ никогда не останавливался на мысли: не слѣдуетъ ли, не пора ли наградить того или другаго? Пейкеръ рассказывалъ мнѣ, что онъ лѣтъ десять носилъ Станислава на шеѣ, хотя былъ постоянно въ разъѣздахъ съ государемъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ графомъ. Черезъ ихъ руки проходила бездна представленій о наградахъ, но о наградѣ ему никакъ не заходило рѣчи. Пейкеръ самъ просить не хотѣлъ, а графъ не догадывался. Какой-то ничтожный случай измѣнилъ это странное положеніе дѣла. Кажется, что при какомъ-то докладѣ о комъ-то графъ замѣтилъ, что этотъ кто-то давно не получалъ награды. Пейкеръ сказалъ, что есть люди, которые болѣе продолжительное время не получаютъ награды. «Вотъ я, наприм., въ теченіе десяти лѣтъ ношу одинъ крестъ, какъ сами ваше сіятельство изволите видѣть»,—прибавилъ Пейкеръ. Графъ вскочилъ съ мѣста, сталъ обнимать его, извиняться предъ нимъ и тутъ же поздравилъ его съ Станиславомъ 1 ст., выразивъ увѣренность, что государь ему не откажетъ въ его ходатайствѣ, которое дѣйствительно тотчасъ и было удовлетворено.

Замѣчу мимоходомъ, по опыту жизни, что если такая смѣлость, съ какою К. выпрашивалъ себѣ звѣзду, представляется неудобною, то съ другой стороны излишняя щепетильность, неуѣренная забота о своемъ достоинствѣ—не приносятъ рѣшительно никакой пользы. Есть много начальниковъ, подобныхъ графу Адлербергу. Такимъ же частію былъ и князь Барятинскій. Они не награждаютъ не потому, чтобы не хотѣли наградить, но потому, что забываютъ въ многосложныхъ соображеніяхъ о своихъ высшихъ интересахъ. Тотъ же опытъ жизни убѣдилъ меня, что всѣ большіе господа всегда и болѣе всего думаютъ о томъ, что выше ихъ, и мало заботятся о томъ, что подъ ними. Привыкнувъ дѣйствовать всегда по докладамъ

и представленіямъ, они полагають достаточнымъ соглашаться на доклады и представленія о наградахъ. Думать еще о томъ, всѣ ли туда вошли и нѣтъ ли еще людей, о которыхъ доложить некому— не по ихъ части. Само собою разумѣется, что я это говорю только въ общемъ видѣ и что есть блистательныя исключенія, когда самъ начальникъ близко знаетъ заслуги каждаго и самъ заботится о соотвѣтственномъ вознагражденіи. Эти исключенія принадлежатъ рядовымъ, такъ сказать, министрамъ, заключеннымъ въ границахъ своихъ министерствъ; большіе придворные бары, какъ Адлербергъ, Барятинскій и другіе, все вниманіе которыхъ сосредоточено на состояніи погоды въ придворномъ мірѣ— по натурѣ вещей, болѣе забывчивы по этой части, хотя, въ то же время, если они ужъ установили на комъ свое высокое вниманіе, то мгновенно дѣлаютъ этому счастливцу такую карьеру, которая приводитъ всѣхъ въ изумленіе.

Наконецъ членомъ комиссіи былъ еще и знаменитый въ нѣкоторомъ отношеніи Гавріилъ Степановичъ Поповъ. Кто не зналъ въ Петербургѣ Гавріила Степановича? Купцы, крестьяне, быть можетъ, не всѣ его знаютъ; но можно голову прозакладывать, что нѣтъ положительно ни одного чиновника, большаго и малаго, который бы не зналъ Гавріила Степановича. Между тѣмъ весьма трудно сказать, откуда именно происходила такая громадная популярность. Мѣсть большихъ и важныхъ онъ не занималъ; общественнаго значенія и вліянія никогда не имѣлъ, громадными талантами не славился. Напротивъ, онъ былъ человекъ значительно ограниченный и не чуждъ былъ даже странностей, которыя, въ соединеніи съ его долголѣтностью и неодолимою страстію со всѣми знакомиться, едва-ли не были главною причиною его обширной извѣстности. Еще при Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, этомъ другѣ царей и между прочимъ главноначальствующемъ надъ почтовымъ департаментомъ, онъ имѣлъ какую-то выгодную позицію близкаго князю человека, что, конечно, не слишкомъ говоритъ въ пользу государственнаго значенія этого сановника. Этого времени я уже не засталъ, и когда появился въ Петербургѣ, позналъ Гавріила Степановича въ качествѣ одного изъ исправляющихъ должность департаментскихъ секретарей Государственнаго Совѣта. Въ то же время двѣ пуговики назади его вицъ-мундира свидѣтельствовали, что онъ владѣлъ ка-

мергерскимъ ключемъ. Когда послышалось вѣяніе прогресса и когда въ составѣ Государственнаго Совѣта понадобились люди, истинно даровитые, моего Гавріила Степановича спустили оттуда и помѣстили въ разрядъ такъ называемыхъ почетныхъ опекуновъ Опекунскаго Совѣта, т. е. людей, уже мало годныхъ.

Я уже не помню, какимъ образомъ завязалось первое мое знакомство съ Гавріиломъ Степановичемъ, что, впрочемъ, нисколько не было затруднительно при его стремленіи со всѣми знакомиться; но когда судьба загнала меня въ почтовый міръ—тамъ наше знакомство приняло прочный видъ, потому что въ этомъ мірѣ, по старой памяти, онъ пользовался большими связями, и его часто можно было встрѣтить или на обѣдѣ у Прянишникова или на вечерѣ у Прокоповича. Въ этотъ же періодъ имъ овладѣла другая страсть—къ поэтическимъ шалостямъ. Сближеніе мое, по Обществу, съ литературнымъ кружкомъ познакомило меня съ развитіемъ и проявленіями этой страсти. Панаевъ въ особенности рассказывалъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, тысячи уморительныхъ по этой части анекдотовъ, сущность которыхъ заключалась преимущественно въ томъ, что бѣдный поэтъ постоянно умолялъ Панаева помѣщать его произведенія въ «Современникѣ», на что, конечно, тотъ не могъ согласиться и долженъ былъ изобрѣтать фантастическія причины отказа. Такимъ образомъ свѣтъ лишень наслажденія читать эти произведенія; но авторъ нашелъ таки возможность проявить свой талантъ. Онъ сталъ сочинять надписи къ портретамъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и въ этомъ исключительномъ родѣ приобрѣлъ обширную, хотя, конечно, комическую, извѣстность.

Но эти увлеченія были безвредныя. Къ сожалѣнію, онъ поддавался увлеченію самому для него вредному. Дѣло вотъ въ чемъ. Я жилъ какъ-то въ домѣ Зейдлица, противъ Технологическаго института, на Загородномъ проспектѣ. Изъ дверей въ двери, прямо противъ моей квартиры, поселилась какая-то помѣщица, какъ говорили, богатая, недавно овдовѣвшая и пріѣхавшая въ Петербургъ для устройства дѣтей. Дѣйствительно, когда я выходилъ на свой балконъ, на сосѣднемъ балконѣ я видѣлъ эту барыню и съ нею двухъ прелестныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, отъ 10 до 13-ти лѣтъ. Барыня была уже далеко не первой молодости; можно было

видѣть ясныя остатки красоты. но красоты суровой, отталкивающей. Такое близкое наше сосѣдство повело ко взаимнымъ поклонамъ, и дѣло тѣмъ и ограничилось. Я былъ очень удивленъ, когда увидалъ эту даму на блистательныхъ вечерахъ Прокоповича, о которыхъ я говорилъ выше. Наконецъ, я былъ просто пораженъ, когда мнѣ объявили, что она невѣста нашего Гавріила Степановича. Кто видѣлъ и помнить его, тотъ пойметъ, какъ мало шло къ нему положеніе жениха и мужа! Ограниченный, слабый, безхарактерный, съ самою мизерною наружностью, онъ былъ, сравнительно съ этимъ положеніемъ, просто смѣшонъ и жалокъ. Тѣмъ не менѣе бракъ совершился, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершилось то, чего каждый разсудительный, практическій чловѣкъ долженъ былъ ожидать. На другой день послѣ свадьбы, или чрезъ нѣсколько дней, только весьма скоро, «безъ всякаго», какъ говорятъ чиновники въ своихъ бумагахъ, «замедленія», жена объявила ему, что ей нужно было его имя и званіе для лучшаго успѣха при устройствѣ дѣтей, а что онъ, лично, вовсе ей не нуженъ и можетъ убираться куда угодно, и въ заключеніе просто выгнала его. Гавріиль Степановичъ возвратился въ свою холостую квартиру и до днесь, когда я пишу эти строки, остается рѣшительно тѣмъ же Гавріиломъ Степановичемъ, какимъ я позналъ его лѣтъ тридцать тому назадъ. Коварная же супруга его, которую мнѣ удалось встрѣтить лѣтъ чрезъ пять послѣ того, обратилась въ сѣдую старую мегеру.

Обращаюсь къ составу Печальной комиссіи. Всѣ эти лица, о которыхъ я говорилъ, были членами комиссіи и въ моментъ моего появленія во дворцѣ шумѣли въ особой комнатѣ и, какъ по всему было замѣтно, бунтовались противу грознаго и строптиваго верховнаго маршала. Въ другой комнатѣ, какъ я выше сказалъ, сгруппирована была толпа чиновниковъ, собранныхъ изъ разныхъ вѣдомствъ, которая должна была образовать канцелярію комиссіи. Тутъ было много самоувѣренныхъ фізіономій съ крестами на шеяхъ. Мысль, что я, малочинный въ то время и рѣшительно безъ всякихъ крестовъ, неминуемо долженъ подчиниться которой-либо изъ этихъ самоувѣренныхъ фізіономій, сильно смущала меня и путалась съ другою мыслию о возможности избѣгнуть отъ этого унижительнаго по моимъ понятіямъ положенія. Наконецъ, когда я спросилъ, что

это за дѣла, которыя всѣ перелистываютъ, мнѣ объяснили, что это привезенное изъ сенатскаго архива дѣло о погребеніи императора Александра, которымъ комиссія должна руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ; что это дѣло заключается во многихъ томахъ и что они розданы по рукамъ для просмотра и извлеченія того, что можетъ быть полезнымъ для настоящей комиссіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ тою же цѣлью, и мнѣ вручили одинъ изъ этихъ томовъ необъятной величины. Я видѣлъ, что все это первоначальный сумбуръ, предшествующій всякому дѣлу, и ожидалъ, что изъ всего этого выйдетъ. Между тѣмъ изъ комнаты, отведенной для членовъ комиссіи, гдѣ, какъ я сказалъ уже, раздавались бурныя пренія, стали появляться нѣкоторые изъ нихъ въ нашей комнатѣ съ красными лицами и звучными ругательствами противъ Гурьева и, отведа, такъ сказать, душу, снова отправлялись туда.

Можно было видѣть, что тамъ идетъ буря и что старикъ Гурьевъ не церемонится съ своими сочленами. Вдругъ, среди нашей комнаты, раздались возгласы: «Правителя канцеляріи, правителя канцеляріи! гдѣ правитель канцеляріи?» Никакого правителя канцеляріи у насъ не было, всѣ мы составляли только разноплеменную толпу, и потому никто, конечно, не считалъ этихъ возгласовъ относящимися къ кому-либо лично и отдѣльно. Возгласы эти повторились и не получали отзыва. Среди этихъ недоумѣній кто-то изъ членовъ комиссіи ринулся ко мнѣ и, сказавъ: «вотъ правитель канцеляріи», съ этими словами схватилъ меня за руку и потащилъ въ комнату членовъ. Графъ Гурьевъ сурово взглянулъ на меня и, не вдаваясь ни въ какія изслѣдованія: кто я, откуда и почему именно я явился въ качествѣ правителя канцеляріи, а не другой кто, торжественнымъ суровымъ голосомъ объявилъ мнѣ, что надо тотчасъ составить церемоніаль траура и отдать въ печать.

Я мгновенно отыскалъ церемоніаль траура при погребеніи императора Александра, написанный страшно древнимъ языкомъ, придѣлалъ къ нему нѣсколько фразъ таковаго же склада, примѣнимыхъ къ настоящему вопросу, показалъ первое мое произведеніе графу Гурьеву, получилъ одобреніе и отправилъ церемоніаль въ печать. Все это было сдѣлано быстро и толково.

Бурныя пренія среди комиссіи, между тѣмъ, не только не пре-